

Кубанское дѣйство*).

К. Н. Соколова.

Отдавая въ печать въ 1921 году свою книгу «Правленіе ген. Деникина», я счелъ себя вынужденнымъ опустить цѣлую главу X, содержащую въ себѣ разсказъ о событияхъ, которые разыгрались на Кубани въ октябрѣ - ноябрѣ 1919 года. Въ то время въ эмиграціи во-зобновился нашъ извѣчный споръ о взаимоотношенияхъ между Главнымъ Командованіемъ и казачими властями; ген. Врангель вельь трудные переговоры съ атаманами и правительствами казачьихъ областей. Въ такой моментъ было бы безответственно бередить недавнія раны откровеннымъ разсказомъ о кубанскомъ кризисѣ. Но съ тѣхъ поръ прошло 5 лѣтъ, и кризисъ этотъ нѣсколько разъ трактовался въ печати. Въ книгѣ В. Фонъ-Дрейера «Крестный путь во имя родины» ему посвящена IV глава. Бывшій кубанскій атаманъ А. П. Филимоновъ напечаталъ въ «Архивѣ Русской Революціи» (т. V) сопровождаемую документами статью подъ названіемъ «Разгромъ Кубанской Рады». Наконецъ, въ № 1 «Голоса Минувшаго на чужой сторонѣ» за 1926 г. появилась статья извѣстнаго кубанского политического дѣятеля Д. Е. Скобцова: «Драма Кубани». Общимъ недостаткомъ всѣхъ этихъ повѣстований нужно признать то, что авторы ихъ начинаютъ свой разсказъ прямо съ 25-го октября. А между тѣмъ этой датѣ предшествовалъ подготовительный періодъ, не зная кого-либо, нельзя правильно судить и о томъ, что за нимъ послѣдовало. Подробности этого періода были доподлинно извѣстны только ограниченному числу лицъ, изъ которыхъ двухъ — И. П. Романовскаго и В. Л. Покровскаго уже нѣть въ живыхъ. При такихъ условіяхъ мнѣ кажется своевременнымъ напечатать главу моей книги, недопущенную мной самимъ къ опубликованію въ 1921 году.

Текстъ ея воспроизводится мною здѣсь согласно первоначальной записи, безъ какихъ-либо позднѣйшихъ дополненій или поправокъ. Онъ представляетъ собой, какъ и вся моя книга, разсказъ, ведомый

*.) Ненапечатанная глава изъ книги «Правленіе ген. Деникина» (изъ воспоминаний). Софія 1921 г.

въ первомъ лицѣ, безъ всякихъ претензій на научную историчность и документальность. Всесторонне-объективное освѣщеніе Кубанского кризиса остается дѣломъ будущаго, когда смогутъ быть использованы неопубликованные до сихъ поръ документы и показанія участниковъ и свидѣтелей. Въ 1922 году, въ Бѣлградѣ генералъ Врангель ознакомилъ меня съ частью своихъ записокъ, относящейся къ Кубанскимъ событиямъ. Мнѣ извѣстно, что много цѣнныхъ документовъ имѣлось въ обширномъ архивѣ В. Л. Покровскаго, который былъ вывезенъ покойнымъ генераломъ за границу. И, наконецъ, въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ «Очерковъ Русской Смуты», вѣроятно, скажетъ свое вѣское слово по дѣлу и самъ бывшій Главнокомандующій Вооруженными Силами на Югѣ Россіи, генералъ Деникинъ.

К. С.

Софія, апрѣль 1926 г.

Глава десятая.

КУБАНСКОЕ ДѢЙСТВО.

Пока Ставка Главнокомандующаго и Особое Совѣщаніе при немъ оставались въ Екатеринодарѣ, неустроенность нашихъ отношений съ Кубанью ощущалась болѣзнетто, но не имѣла катастрофического характера. Центробѣжныя стремленія кубанскихъ самостійниковъ-черноморцевъ находили себѣ естественный противовѣсь въ моральномъ авторитетѣ и фактическомъ вліяніи Добровольческаго Центра, и плохо слаженная машина Добровольческо-Кубанского военно-политического сотрудничества все же работала, хотя и съ перебоями и толчками.

Съ переводомъ Ставки и Правительства въ Таганрогъ и Ростовъ положеніе рѣзко измѣнилось къ худшему. Особаго достаточно вну-шительного Представительства Главнаго Командованія въ Екатерино-дарѣ организовано не было и, если не считать второстепенныхъ во-енныхъ начальствъ, въ качествѣ единственного постояннаго учрежде-нія Главнаго Командованія, въ Краѣ функционировало мѣстное отдѣ-леніе Отдѣла Пропаганды. Руководимое энергичнымъ полковникомъ У., отдѣленіе развивало энергичную дѣятельность и, несмотря на си-стематическую обструкцію краевыхъ властей, глубоко проникало въ толщу краевой жизни. Но у него были свои специальные информаци-онныя задачи, и возмѣстить отсутствіе необходимаго полномочнаго представительства Главнокомандующаго оно, очевидно, не могло. Между тѣмъ, оставшись въ своемъ тѣсномъ Кубанскомъ Кругу, встрѣчая все слабѣвшее сопротивленіе со стороны своихъ политиче-скихъ противниковъ — «линейцевъ», «черноморцы» почувствовали себя хозяевами положенія и широко расправили крылья. Росту ихъ политического вліянія помогали своеобразныя особенности кубанска-го парламентаризма, обрекавшія Войскового Атамана на роль слаба-го и безличнаго фигуранта, и дѣлавшія краевой «кабинетъ» игруш-кой въ рукахъ большинства законодательной Рады. Опаснѣе всего

было то, что создавшаяся въ Екатеринодарѣ нездоровая обстановка игры въ самостійную державность пагубно отражалась на фронтѣ. Прикрывавшая одно изъ важнѣйшихъ направлений Кавказская армія генерала Врангеля состояла почти цѣликомъ изъ кубанцевъ и базировалась на Кубань, откуда и должна была получать пополненія и продовольствіе. Съ осени и пополненія, и снабженіе поступали съ Кубани на Царицынскій фронтъ въ недостаточномъ количествѣ; когда же пополненія приходили, они оказывались въ значительной степени затронутыми самостійнической пропагандой. Понятно, что все это не могло не беспокоить: и Ставку, и Командование Кавказской арміи, и, наконецъ, тѣхъ кубанцевъ, которымъ казачья самобытность не мѣшиала чувствовать себя добрыми русскими патріотами.

Во второй половинѣ сентября къ намъ—въ Ростовъ—пріѣхалъ одинъ Членъ Краевой Рады полковникъ N, имѣвшій на Кубани большія политическія и родственныя связи и сыгравшій замѣтную роль при послѣднихъ атаманскихъ выборахъ. Хотя я все еще не вступалъ въ должность, онъ посѣтилъ меня и, давая понять, что выражаетъ мнѣніе серьезныхъ линейскихъ круговъ, началъ горько сѣтовать на насъ за то, что мы не ведемъ настоящей политической работы на Кубани. Тутъ же онъ предложилъ свои услуги по организаціи широко развѣтвленной политической агентуры, которая должна была, по его мнѣнію, состоять исключительно изъ кубанскихъ элементовъ и дѣлать исключительно кубанскую политику, однако, въ направленіи желательномъ для Главнаго Командованія, борясь съ черноморцами и содѣйствуя линейцамъ. Въ планѣ кампаніи входила подготовка роспуска и перевыборовъ Краевой Рады, а конечной цѣлью являлась конституціонная реформа — въ смыслѣ усиленія Атаманской власти и созданія устойчиваго правительства путемъ упраздненія Законодательной Рады, которая постепенно превратилась въ неприступную цитадель самостійничества. Отъ насъ N ждалъ моральной поддержки и, конечно, материальныхъ средствъ.

Несмотря на то, что осуществленіе проекта полковника N должно было вызвать, какъ водится въ такихъ случаяхъ, довольно крупные, по нашимъ понятіямъ, расходы — помнится, рѣчь шла объ ассигнованіи до 600.000 рублей — предложеніе показалось мнѣ заманчивымъ. Дѣйствительно, помимо спеціальной информаціонной сѣти Отдѣла Пропаганды, политическая агентура Главнаго Командованія на Кубани отличалась всѣми признаками кустарности и, такъ сказать, «экспромптности». Поэтому, обсудивъ съ полковникомъ N въ общихъ чертахъ планъ его организаціи и поставивъ ему непремѣннымъ условіемъ установленіе и поддержаніе полной связи съ полковникомъ У., я направилъ его къ моему помощнику Б. А. Энгельгардту, который въ то время управлялъ Отдѣломъ и былъ правомоченъ принять окончательное рѣшеніе. Полковникъ Энгельгардтъ, ввиду серьезности дѣла и размѣровъ ассигнованія, доложилъ обо всемъ генералу Лукомскому. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія, съ своей стороны, одобрилъ наши предположенія. Изъ секретныхъ суммъ полковнику N былъ незамедлительно выданъ значительный авансъ, и онъ въ наилучшемъ настроеніи уѣхалъ въ Екатеринодаръ «ставить» свою агентуру.

Вскорѣ, однако, событія на Кубани приняли совсѣмъ новый обортъ, и на практикѣ испытать планы Намъ такъ и не довелось.

* * *

Въ среду, 9 октября, меня вызвали къ телефону и отъ имени генерала Лукомскаго передали, что Главнокомандующій желаетъ меня видѣть по спѣшному дѣлу и ждетъ меня въ кабинетѣ Предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Я тотчасъ же отправился въ домъ Бурцева, гдѣ и былъ принятъ генераломъ Деникинымъ въ присутствіи генерала Лукомскаго. Первые слова, съ которыми обратился ко мнѣ Главнокомандующій, запечатлѣлись въ моей памяти съ фотографической точностью.

— «То, о чемъ я буду Вамъ сейчасъ говорить», сказалъ генераль Деникинъ, «не подлежитъ ни обсужденію, ни разглашенію, а только исполненію».

Дальше Главнокомандующій пояснилъ, что Командованіе Кавказской арміи доложило ему о назрѣвшей необходимости рѣшительныхъ мѣръ противъ забывшагося въ своемъ политиканствѣ Екатеринодара. Кубанскіе самостійники окончательно потеряли голову и все смѣлѣ подкапываютъ подъ фронтъ, дискредитируя общія цѣли борьбы и съя рознь между казачествомъ и Командованіемъ. При этомъ они пользуются выгодными для нихъ формами кубанскаго парламентаризма, и потому рѣшительный ударъ по нимъ предполагаетъ не только личныя перемѣны, но и конституціонную реформу. Надо, сохраняя демократическую основу кубанскаго краевого строя, найти способы сдѣлать атаманскую власть сильной и независимой, какъ сумѣли же это сдѣлать на Дону для генерала Краснова. Генералы Врангель и Покровскій берутся провести такую реформу черезъ Краевую Раду, на меня же, какъ на управляющаго Отдѣломъ законовъ, возлагается задача составить примѣрную схему тѣхъ измѣненій въ кубанской конституціи, которыя отвѣчали бы потребностямъ чрезвычайного времени и видамъ Главнаго Командованія. Генераль Деникинъ нѣсколько разъ подчеркивалъ, что онъ по прежнему не сумѣшиваетъ съ политиканствующими самостійниками здоровыхъ элементовъ кубанскаго казачества. Поэтому дѣло шло бы не о подавленіи казачьей самобытности и не о лишеніи казачества его исконныхъ свободъ, а о созданіи такой организаціи краевой власти, которая гармонировала бы съ суровой обстановкой вооруженной борьбы и дала бы возможность этимъ здоровымъ элементамъ развернуть всю свою казачью мощь.

— «О подробностяхъ Вамъ надо будетъ уговориться съ Командующимъ Кавказской Арміей, — закончилъ генераль Деникинъ. Генераль Врангель здѣсь на вокзалѣ, въ своемъ поѣздѣ. Проще всего будетъ, если я приглашу его сюда для общей бесѣды».

* * *

Не прошло и четверти часа, какъ адъютантъ генерала Лукомскаго доложилъ о прибытіи Командующаго Кавказской Арміей и, въ кабинетъ быстрыми, большими шагами вошелъ очень высокій сухоща-

вый военный въ черкескѣ съ генераль-лейтенантскими погонами и офицерскимъ Георгіемъ четвертой степени. Генералъ Врангель опустился въ кресло у письменного стола противъ генерала Деникина, и было любопытно наблюдать рядомъ этихъ двухъ героевъ бѣлой борьбы: одного невысокаго, полнаго, съ круглымъ благодушнымъ лицомъ, медлительной рѣчью и милой, застѣнчивой улыбкой и другого — стройнаго и подтянутаго, скораго въ движеніяхъ и словахъ, подчеркиваемыхъ рѣзкой жестикуляціей и выразительной мимикой. Кратко, ясно и опредѣленно генералъ Врангель изложилъ намъ свой планъ. Онъ былъ очень простъ, этотъ планъ. Къ началу засѣданій Краевой Рады, открытие которой должно было состояться въ двадцатыхъ числахъ октября, генералъ Врангель прибываетъ въ Екатериодаръ, гдѣ уже находится генералъ Покровскій, имѣя въ своемъ распоряженіи заблаговременно переброшенныя туда «на отдыхъ» съ фронта вѣрныя части. Въ качествѣ Командующаго Кавказской Арміей генералъ Врангель является въ Раду и поднимается на трибуну. Онъ произносить рѣчъ, въ которой указываетъ на тяжелое положеніе арміи, забытой политиканствующимъ тыломъ, и отъ имени фронта настаиваетъ на необходимости пересмотра краевой конституціи. Немедленно послѣ его рѣчи группа членовъ Рады вноситъ соотвѣтствующее, заранѣе разработанное предложеніе. Если оно принимается Радой, генералъ Врангель прощается, выходитъ къ войскамъ, принять парадъ и въ тотъ же день, приказавъ воинскимъ частямъ группиться для возвращенія на фронтъ, самъ также отбываетъ въ Царицынъ. Ну, а если Рада категорически отвергаетъ конституціонную реформу, тогда генералъ Врангель тоже выходитъ къ войскамъ и объясняетъ имъ, въ чемъ дѣло...

Впрочемъ, самъ Командующій Кавказской Арміей былъ совершенно увѣренъ, что къ крайнимъ мѣрамъ прибѣгать не придется и что все сойдетъ мирно и гладко. Въ этомъ его убѣждали имѣвшіяся у него положительныя свѣдѣнія, что оппозиція въ Радѣ очень тяготится искусственно поддерживаемымъ засиліемъ «черноморцевъ» и охотно поможетъ безболѣзненному проведенію конституціонной реформы.

Я обѣщалъ генералу Врангелю въ теченіе дня обдумать схему желательныхъ измѣненій въ кубанской конституціи, и мы условились встрѣтиться вечеромъ, у него въ поѣздѣ, чтобы передъ его отѣзdomъ на фронтъ еще разъ обсудить предстоявшее ему трудное и деликатное дѣло.

Вечеромъ я ушелъ изъ Особаго Совѣщенія, засѣдавшаго, какъ всегда, въ среду подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго, и отправился на свиданіе съ генераломъ Врангелемъ. У меня съ собой былъ экземпляръ временнаго положенія объ управлениі Кубанскимъ Краемъ и мы совмѣстно просмотрѣли его статью за статьей, отмѣчая статьи, подлежащія измѣненію или отмѣнѣ. Во время этой работы генералъ Врангель имѣлъ случай нѣсколько разъ высказывать свое мнѣніе по отдѣльнымъ вопросамъ, бывшимъ спорными между Ку-

банью и Главнымъ Командованіемъ. Меня поразила при этомъ довольно большая гибкость взглядовъ генерала Врангеля: отстаивая самое главное и основное, онъ обнаруживалъ готовность въ подробностяхъ, нерѣдко существенныхъ, считаться съ желаніями кубанцевъ и дѣлать имъ уступки. Было рѣшено, что къ двадцатому октября я приготовлю текстъ желательныхъ съ точки зрењія Главнаго Командования поправокъ къ кубанской конституціи и что тогда ко мнѣ прибудетъ отъ генерала Врангеля вѣрный человѣкъ, который освѣдомитъ меня о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Командующаго и которому я передамъ заготовленные документы. О какихъ-либо личныхъ перемѣнахъ на Кубани особой рѣчи не было. Выяснилось только, что генераль Филимоновъ едва ли удержить въ рукахъ атаманскую булаву, и что на его мѣсто расчитываетъ быть избраннымъ генераль Покровскій.

* * *

Въ ближайшіе затѣмъ дни я безъ особаго труда набросалъ, счи-
таясь съ указаніями Главнокомандующаго и пожеланіями генерала
Врангеля, программу необходимыхъ перемѣнъ въ хорошо мнѣ знакомомъ положеніи обѣ управлениі Кубанскимъ Краемъ. Главная цѣль,
которой должна была служить конституціонная реформа, состояла
въ устраненіи неустойчивости Краевого Правительства. Для этого
нужно было отказаться отъ традиціонной формы парламентарного
режима, и упразднивъ политическую зависимость Правительства отъ
Рады, сдѣлать его отвѣтственнымъ единственно передъ Войсковымъ
Атаманомъ. Но разъ при этомъ отнюдь не имѣлось въ виду созданіе
неограниченного атаманского самодержавія, то необходимо было про-
возгласить отвѣтственность самого атамана передъ Краевой Радой,
какъ высшимъ органомъ Краевой власти, и въ то же время для вос-
препятствованія превращенія Рады въ нѣкій всемогущій перманентно
засѣдающій конвентъ, вооружить Атамана правомъ ея роспуска. Для
упрощенія Краевого политического механизма и сведенія, къ жела-
тельному въ военное время минимуму работы представительныхъ уч-
режденій, оставалось упразднить Законодательную Раду и постанов-
ить, что Краевая Рада имѣть нормально одну сессію въ годъ. По
привычкѣ юриста мыслить отчетливыми формулами, я изложилъ на-
мѣчаемыя перемѣны въ кубанской конституціи въ видѣ готоваго за-
конопроекта въ двухъ варіантахъ. Первый постановлялъ, что въ от-
мѣну и измѣненіе соотвѣтствующихъ статей временнаго положенія,
впредь до окончанія вооруженной борбы съ большевиками, Ку-
банскій Край управляется на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: слѣдо-
вали нѣсколько статей, устанавливавшихъ новый «атаманскій» ре-
жимъ. Второй варіантъ представлялъ собой опытъ конституціонной
кодификаціи, т. е. состоялъ изъ текста временнаго положенія съ на-
несенными на него измѣненіями и дополненіями.

Кончивъ эту работу, я съѣздилъ въ Таганрогъ, доложилъ свои
схемы Главнокомандующему и попросилъ его разрѣшенія вручить
ихъ вѣстнику, ожидаемому мною отъ генерала Врангеля.

— «Этого будет недостаточно», — сказал генерал Деникинъ, «поѣзжайте сами и непремѣнно повидайтесь лично съ генераломъ Врангелемъ передъ его выступленіемъ въ Екатеринодарѣ. Вы хорошо знаете, что генералы въ конституціонныхъ вопросахъ часто дѣлаютъ промахи».

Тогда я попросилъ генерала Деникина командировать меня для осмотра подвѣдомственныхъ мнѣ учрежденій въ Царицынѣ, Новороссійскѣ и Кисловодскѣ. Я имѣлъ основаніе расчитывать въ одномъ изъ пунктовъ или на путяхъ къ нимъ встрѣтиться съ генераломъ Врангелемъ передъ его прибытіемъ въ Екатеринодаръ.

Вскорѣ же ко мнѣ прибылъ обѣщанный генераломъ Врангелемъ вѣстникъ, въ образѣ исполнявшаго при немъ должность генерала для порученій, полковника А. Полковникъ А. передалъ мнѣ письмо отъ генерала Врангеля. Въ письмѣ сообщалось, что въ двадцатыхъ числахъ генераль Врангель собирается проѣхать въ Пятигорскъ и Кисловодскъ для совѣщенія съ генераломъ Эрдели, а затѣмъ посѣтить Екатеринодаръ. Приготовленные мною документы генераль Врангель просилъ передать его посланцу. На словахъ полковникъ А. добавилъ, что въ ближайшіе дни два кубанскихъ полка будутъ переброшены съ фронта въ Екатеринодаръ, что одновременно въ Екатеринодаръ долженъ прибыть черезъ Новороссійскъ генераль Покровскій изъ Крыма, и что самъ онъ по приказанію генерала Врангеля отправляется туда же. Тогда я рѣшилъѣхать прежде всего въ Новороссійскъ и оттуда въ Царицынъ и предложилъ полковнику А. довезти его до Екатеринодара.

Нашъ отѣздъ быль назначенъ на субботу 19 октября.

* * *

Мы выѣхали изъ Ростова въ субботу съ вечернимъ Новороссійскимъ поѣздомъ, въ вагонѣ, который я выхлопоталъ себѣ у В. П. Юрченко, дрянномъ, ободранномъ вагонѣ II-го класса. Въ Екатеринодарѣ ушелъ полковникъ А., унося съ собой пакетъ съ обоими моими конституціонными проектами, а я поѣхалъ дальше въ сопровожденіи своего секретаря. Въ Новороссійскѣ мы навели прежде всего справки о генералѣ Покровскомъ; оказалось, что онъ еще не проѣжалъ изъ Крыма, и его вагонъ стоялъ на запасномъ пути. Посмотрѣвъ работу учрежденій Отдѣла Пропаганды, я повернуль обратно, распорядившись въ Тихорѣцкой отцепить мой вагонъ отъ ростовскаго поѣзда. Первоначально я собирался прямо изъ Новороссійскаѣхать на Царицынъ. Но такъ какъ до открытія Краевой Рады оставалось всего 3 дня и день отѣзда генерала Врангеля изъ Царицына не быль мнѣ точно извѣстенъ, то была опасность опоздать и уже не застать его на мѣстѣ. Поэтому я остановился на Тихорѣцкой и снесся съ Царицынскимъ по телеграфу. Оттуда отвѣтили, что генераль Врангель выѣдетъ черезъ нѣсколько дней въ Екатеринодаръ, Пятигорскъ и Кисловодскъ. Сообщая объ этомъ, начальникъ штаба генералѣ Шатиловъ предлагалъ, въ случаѣ моего желанія, доставить мой вагонъ въ Царицынъ экстреннымъ паровозомъ. Однако, совѣщеніе со станціонными авторитетами обнаружило, что старенькія оси

моего вагона не выдержали бы такой экстренной доставки. Въ результатѣ мнѣ ничего другого не оставалось какъ дожидаться проѣзда генерала Врангеля на Тихорѣцкой. Вагонъ мой отвели на запасный путь и я прожилъ въ немъ цѣлую недѣлю.

Тихорѣцкая — это большой узловой пунктъ, гдѣ линія Новороссійскъ—Царицынъ скрещивается съ главной магистралью Владикавказской желѣзной дороги. Такой пунктъ всегда даетъ обильный материалъ для поучительныхъ наблюденій.

Больше всего и всего непріятнѣе поразилъ меня запущенный видъ Тихорѣцкаго вокзала.

Періодически онъ буквально заваливался человѣческими тѣлами —отпускными казаками, слѣдовавшими на побывку съ фронта домой и явившимися въ общемъ видѣ достаточно разнузданнѣй. Зрѣлище это напоминало знакомыя картины 1917—18 гг., когда по всей Россіи стихійно передвигались полчища дезертировъ и мѣшечниковъ. Такія же безотрадныя воспоминанія пробуждало и созерцаніе большинства поѣздовъ дальніаго слѣдованія. Почти каждый изъ нихъ подходилъ къ станціи набитый до отказа, и выдержавъ новую атаку со стороны чаявшихъ движения воды пассажировъ, отходилъ дальше, буквально облѣпленный людьми. Мало того, что, конечно, всѣ крыши вагоновъ были полны народу, иногда путешественники стояли плотной стѣной вокругъ туловища паровоза. Присматриваясь по нѣсколько разъ въ день къ этимъ живымъ иллюстраціямъ состоянія нашего транспорта, я невольно задумывался надъ тѣмъ, какое значеніе можетъ имѣть наша устная и печатная пропаганда рядомъ съ этими доказательствами нашего неумѣнія «наладить жизнь» въ тылу, и дать населенію то, что называется «хорошимъ управлѣніемъ».

Впрочемъ, одинъ разъ — это было въ праздникъ — нашъ вокзалъ преобразился, перроны и пути подметали и станціонное начальство нарядилось въ чистыя форменные одежды.

— «Ужъ не ѳдетъ ли генералъ Врангель», подумалъ я, замѣтивъ суету на вокзалѣ, и послалъ секретаря справиться. Оказалось, что слѣдуетъ экстренный поѣздъ изъ Ростова, направляясь на Кавказскую. Дѣйствительно, вскорѣ къ станціи подлетѣлъ поѣздъ въ составѣ паровоза и одного салонъ-вагона, посвиставъ и понесся дальше. На вокзалѣ говорили, что это нѣсколько высшихъ нашихъ генераловъ выѣзжало на охоту.

* * *

Прошли мимо насъ эшелоны двухъ «вѣрныхъ» полковъ, перебрасываемыхъ съ фронта въ Екатеринодаръ «на отдыхъ». Проѣхалъ пассажирскимъ поѣздомъ туда же командиръ второго Кубанского корпуса генералъ Наumenko. Казачьи эшелоны произвели неблагопріятное впечатлѣніе. Казаки все время горланили разухабистыя пѣсни, а одинъ изъ эшелоновъ, отходя отъ станціи, обострѣлялъ ее беспорядочнымъ огнемъ изъ винтовокъ.

* * *

*

26 октября, въ субботу, прибѣжалъ ко мнѣ начальникъ мѣстного пункта Отдѣла Пропаганды. Онъ доложилъ о полученной имъ сенсаціонной телеграммѣ и о вышедшемъ изъ-за нея столкновеніи съ казачимъ начальствомъ. Телеграмма была отъ Прессъ-бюро и передавала текстъ приказа генерала Деникина отъ 25 октября Атаманамъ казачьихъ войскъ, Командующимъ арміями и Главноначальствующимъ. Генералъ Деникинъ сообщалъ, что лѣтомъ этого года делегаты Кубанского правительства Бычъ, Калабуховъ, Намитоковъ и Савицкій подписали въ Парижѣ съ представителями меджелиса горскихъ народностей союзный договоръ, которымъ кубанскія войсковыя части отдавались въ распоряженіе горского правительства и тѣмъ обрекалось на гибель терское войско; усматривая въ этомъ дѣяніи измѣну, генералъ Деникинъ приказывалъ, въ случаѣ появленія упомянутыхъ четырехъ лицъ на территории Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, арестовать ихъ и предать военно-полевому суду. По установившемуся порядку телеграмма была выставлена въ витринѣ пункта, и вотъ мѣстный атаманъ разгневался и потребовалъ ея удаленія, угрожая въ противномъ случаѣ разбить витрину. Онъ доказывалъ, что телеграмма подложная, и кричалъ, что не потерпитъ такого публичнаго поклепа на казачество. Я подробно распросилъ начальника пункта, допускаетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ возможность какой-нибудь мистификаціи, но онъ предъявилъ мнѣ подлинную телеграмму, устранившую всякия сомнѣнія.

Признаюсь, я былъ смущенъ сообщеннымъ мнѣ извѣстіемъ. Мнѣ казалось очевиднымъ, что приказъ отъ 25-го октября опрокидывалъ весь планъ кубанской конституціонной реформы. Разъ въ числѣ адресатовъ телеграммы Главнокомандующаго былъ и Командующій Кавказской арміей, передъ генераломъ Врангелемъ возникла новая еще болѣе отвѣтственная задача — арестовать и предать суду члена Рады Калабухова, о возвращеніи котораго въ Екатеринодаръ сообщалось въ газетахъ. Все это было настолько ясно, что я рѣшилъ, что телеграммѣ Главнокомандующаго предшествовали особыя сношенія съ генераломъ Врангелемъ и что въ результатѣ ихъ планъ, намѣченный 9 октября, оставленъ и вмѣсто него принять какой-то другой, мнѣ неизвѣстный. Съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ сталъ я дожидаться проѣзда генерала Врангеля.

Ждать пришлось недолго. Въ понедѣльникъ 28-го октября станція Тихорѣцкая съ утра чистилась и принаряживалась, а послѣ обѣда къ дебаркадеру подошелъ внушительный поѣздъ Командующаго Кавказской арміей.

По дорогѣ въ Екатеринодаръ мы имѣли возможность обсудить съ генераломъ Врангелемъ, какъ выражаются газетные хроникеры, «создавшееся положеніе».

Генералъ Врангель былъ тоже очень пораженъ телеграммой отъ 25-го октября. Она застигла его врасплохъ, какъ разъ наканунѣ отѣзда. Конечно, она шла въ разрѣзъ съ прежними его планами и создавала въ Екатеринодарѣ совершенно новую обстановку. Вѣдь, не

можетъ же онъ, Командующій арміей, получившій отъ своего Главнокомандующаго приказъ арестовать и предать суду четырехъ измѣнниковъ, выступать съ привѣтственной рѣчью передъ собраніемъ, въ которомъ присутствуетъ одинъ изъ этихъ измѣнниковъ. Съ другой стороны, какъ онъ можетъ исполнить приказъ Главнокомандующаго въ отношеніи Калабухова, разъ Екатеринодаръ не входитъ въ его армейскій районъ и ни въ какой мѣрѣ ему не подчиненъ.

Поэтому вотъ что онъ придумалъ. Надо, чтобы Главнокомандующій включилъ Кубань въ тыловой районъ Кавказской арміи. Командующимъ тылового района будетъ назначенъ генералъ Покровскій. Онъ, Врангель, предпишетъ генералу Покровскому привести въ исполненіе приказъ Главнокомандующаго. И только послѣ того, какъ это будетъ сдѣлано, для него откроется возможность выступить въ Радѣ и настоять на проведеніи реформы конституції.

Не знаю почему — вслѣдствіе ли телеграммы отъ 25-го октября, или подъ впечатлѣніемъ своихъ наблюденій на фронтѣ, но генералъ Врангель говорилъ о конституціонной реформѣ на Кубани безъ прежняго бодраго спокойствія. Онъ даже замѣтилъ, что и въ случаѣ полной удачи онъ лишь на короткое время вернется въ Царицынъ и будетъ просить затѣмъ объ освобожденіи его отъ должности Командующаго арміей. Онъ считалъ, что чѣмъ бы ни кончилась екатеринодарская драма, онъ лично уже не будетъ пользоваться бывшимъ обаяніемъ въ глазахъ казачества. И еще одну мысль настойчиво подчеркивалъ генералъ Врангель. «Я», говорилъ онъ, «подведу Кубань подъ высокую руку Главнаго Командованія, но пусть оно само не повторить своей ошибки и не разожметъ снова пальцы».

— «Когда будете въ Ставкѣ, скажите тамъ, чтобы они обдумали проектъ объединенія Кубани, Терѣка и Ставріи подъ властью какого-либо полномочнаго представителя Главнокомандующаго».

Въ бесѣдѣ, естественно, были затронуты и нѣкоторыя общія темы. Генералъ Врангель очень критически отзывался о стратегіи Штаба Главнокомандующаго, приводящей къ непосильному для южныхъ армій растягиванію линіи фронта. Не слѣдовало увлекаться и поспѣшнымъ движеніемъ на Москву. Со всѣхъ точекъ зрѣнія благоразумнѣе было бы остановиться передъ зимой на заранѣе выбранныхъ рубежахъ и спокойно заняться укрѣплениемъ фронта и организацией тыла. Нашей правительственной системы генералъ Врангель не касался, но онъ выражалъ сожалѣніе, что по какимъ-то непонятнымъ причинамъ остаются неиспользованными талантъ и опытъ такого государственного дѣятеля, какъ А. В. Кривошеинъ.

Въ Екатеринодарѣ, куда мы прибыли вечеромъ, никакой встрѣчи Командующему арміей не было, а просто въ вагонѣ генерала Врангеля вошли генералы Покровскій и Наumenko, полковникъ А. и еще какой-то неизвѣстный мнѣ кубанскій генералъ, повидимому, явившійся Командующему по личному своему дѣлу. Генералъ Покровскій доложилъ генералу Врангелю екатеринодарскую обстановку. Распоряженіе Главнокомандующаго о включеніи Кубани въ тыловой районъ арміи еще не получено. Между тѣмъ въ политическихъ кругахъ царить страшное возбужденіе. Правительство и Рада засѣда-

ють и протестуютъ. Бѣдный А. П. Филимоновъ изнемогаетъ въ борьбѣ на два фронта, съ одной стороны убѣждая Главнокомандующаго не нарушать прерогативъ Кубани, съ другой удерживая Раду отъ непоправимыхъ шаговъ. Изъ совѣщанія генераловъ, котораго я былъ молчаливымъ слушателемъ, для меня выяснилось, что помимо ареста члена Рады Калабухова генералу Покровскому ставилась еще задача положить конецъ дѣятельности «самостійниковъ» путемъ удаленія изъ Рады главныхъ смутьяновъ, численность которыхъ опредѣлялась различно — отъ 10 до 40 человѣкъ. И то, и другое — арестъ Калабухова и устраненіе группы «самостійниковъ» генералъ Покровскій принималъ на себя съ тѣмъ, чтобы возможно меньше вмѣшивать въ дѣло Главное Командование и генерала Врангеля. Этотъ храбрый, рѣшительный и суровый человѣкъ охотно былъ готовъ одинъ нести весь одіумъ самой болѣзненной части Кубанской операциіи и представить своему начальнику «чистую работу» проведенія конституціонной реформы.

Генералъ Врангель, напротивъ, настаивалъ, чтобы все было сдѣлано въ строгомъ порядкѣ, чтобы каждый несъ свою долю отвѣтственности за свои дѣйствія и распоряженія. Между прочимъ, онъ спросилъ генерала Науменко, не согласился бы ли тотъ выставить свою кандидатуру въ атаманы на мѣсто «обреченнаго» генерала Филимонова. Генералъ Науменко отвѣтилъ отрицательно, прибавивъ, что онъ считаетъ политику Главнокомандующаго въ кубанскомъ вопросѣ ошибочной, а нѣкоторыя изъ претензій кубанцевъ совершенно основательными. Въ концѣ концовъ было признано, что генералу Врангелю пока дѣлать въ Екатеринодарѣ нечего и что онъ поѣдетъ черезъ Пятигорскъ и Кисловодскъ и вмѣшается въ ходъ событий позднѣе, въ зависимости отъ указаній Главнокомандующаго и донесеній генерала Покровскаго.

При прощаніи я въ свѣю очередь задалъ генералу Науменко вопросъ, считаетъ ли онъ неизбѣжнымъ принятие крайнихъ мѣръ. Популярный кубанскій генералъ, не колеблясь, отвѣтилъ, что это совершенно неизбѣжно и что «стукнуть» необходимо. Генералъ Покровскій обратился со своей стороны ко мнѣ съ личной просьбой. Въ виду возможнаго избранія его Войсковымъ атаманомъ онъ просилъ меня на всякий случай составить проектъ обращенія его правительства къ населенію края и двухъ приказовъ — Кубанскому казачьему войску и Кубанцамъ, сражающимся на фронтѣ; въ правительственномъ обращеніи особое вниманіе должно было быть, по мнѣнію генерала, удѣлено вопросамъ экономической политики и поднятію производительныхъ силъ Края. Кромѣ того, генералъ Покровскій предложилъ мнѣ остаться въ Екатеринодарѣ, гдѣ будто бы я могъ бы быть полезенъ ему, а затѣмъ и генералу Врангелю. Принципіально согласившись исполнить первую просьбу, я рѣшительно отказался исполнить вторую. Я сослался на то, что не уполномоченъ на это Главнокомандующимъ и что по личному моему разумѣнію было бы совершенно недопустимо присутствіе въ Екатеринодарѣ въ критическіе для Кубани дни члена Особаго Совѣщанія, да еще съ такой заостренной въ казачьихъ вопросахъ репутацией, какъ моя.

— «Ну, какъ же все это Вамъ нравится», спросилъ меня генераль Врангель, когда мы остались одни и поѣздъ двинулся на Кавказскую.

Я откровенно отвѣтилъ, что все это мнѣ совершенно не нравится и что я серьезно опасаюсь, какъ бы, благодаря получающейся не-складицѣ, Екатеринодарское предпріятіе не кончилось большой и не-ловкой неудачей для Главнаго Командованія. Генералъ Врангель былъ явно недоволенъ результатами екатеринодарского свиданія съ генералами Покровскимъ и Науменко. Онъ нѣсколько разъ выражалъ со-жалѣніе, что не будетъ имѣть возможности ранѣе, чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, повидаться съ Главнокомандующимъ, чтобы подробно доложить ему о положеніи дѣла и получить оконча-тельный указанія. У меня впереди была еще недѣля свободного вре-мени и въ Пятигорскѣ меня ничто не удерживало. Поэтому я пред-ложилъ генералу Врангелю съѣздить въ Ростовъ къ генералу Дени-кину для подробного устнаго доклада. Генералу Врангелю въ этотъ моментъ рисовались какъ возможные три варіанта дальнѣйшаго его поведенія: или онъ уѣзжаетъ на фронтъ, предоставляемый генералу Покровскому дѣйствовать въ Екатеринодарѣ, или онъ уѣзжаетъ на фронтъ, предварительно запретивъ генералу Покровскому предпри-нимать какія-бы то ни было насильственные мѣры, или, наконецъ, онъ, дѣйствуя по командѣ, приказываетъ генералу Покровскому ис-полнить приказъ Главнокомандующаго отъ 25-го октября, а также пресѣчь агитацию «самостійниковъ» путемъ устраненія изъ Рады и преданія суду намѣченныхъ 10 человѣкъ. Въ зависимости отъ того, какой варіантъ одобрить генераль Деникинъ, генералъ Врангель бу-детъ ждать одной изъ трехъ телеграммъ изъ Ставки. Въ первомъ случаѣ ему должно быть просто приказано отбыть на фронтъ въ виду невозможности при создавшихся условіяхъ прїѣзда его въ Екате-ринодарѣ; во второмъ: приказаніе обѣ отбытии на фронтъ должно было сопровождаться другимъ — о недопущеніи какихъ-либо эксцес-совъ въ Екатеринодарѣ. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ — нужно было приказать ему исполнить приказъ отъ 25-го октября и принять мѣры къ прекращенію въ Екатеринодарѣ злонамѣренной агитациі. Генералъ Врангель имѣлъ въ виду закрѣпить эти свои пожеланія въ письмѣ на имя Помощника Главнокомандующаго Предсѣдателя Осо-баго Совѣщанія генерала Лукомскаго. Я же обязался безпристрастно освѣтить всѣ три варіанта, но не скрылъ, что, если Главнокомандую-щей поинтересуется узнать мое личное мнѣніе, то я выскажусь въ пользу третьяго варіанта.

На другой день въ Пятигорскѣ была торжественная встрѣча, а по-томъ парадный обѣдъ у генерала Эрдели. Не досидѣвъ до конца обѣда, я отправился на вокзалъ съ письмомъ генерала Врангеля къ генералу Лукомскому въ карманѣ. Я надѣялся быть въ Ростовѣ въ среду подъ вечеръ, но генерала Деникина въ городѣ не было: въ свя-зи съ слухами о готовящихся покушеніяхъ генералъ Деникинъ сталъ мѣняться дни своихъ поѣздокъ въ Ростовъ и какъ разъ на этой недѣлѣ Особое Совѣщаніе въ среду не засѣдало. Выслушавъ краткое мое со-

общеніе и ознакомившись съ письмомъ генерала Врангеля, генералъ Лукомскій также склонился къ третьему варіанту, о чёмъ и сдѣлалъ помѣтку на самомъ письмѣ. Было уже поздно. Послѣдній пассажирскій поѣздъ въ Таганрогъ давно отошелъ. Генералъ Лукомскій распорядился, чтобы меня доставили въ Ставку экстреннымъ поѣздомъ и въ 11-томъ часу вечера я прибылъ въ домъ, занимаемый Главнокомандующимъ.

* * *

Въ кабинетѣ генерала Деникина я былъ встрѣченъ съ нескрываемой ироніей. —

«Вотъ таковы наши «переворотчики», сказалъ улыбаясь начальникъ штаба, сами заварять кашу, а потомъ бывать отбой!».

И генералъ Романовскій протянулъ мнѣ телеграмму, только что полученную отъ генерала Врангеля. Генералъ Врангель просилъ въ ней Главнокомандующаго не принимать окончательнаго рѣшенія до выслушанія моего доклада и прибавлялъ, что получилъ въ свое распоряженіе данныя, позволяющія расчитывать на мирное улаженіе конфликта. Я отвѣтилъ, что хотя подобно генералу Лукомскому лично считаю неизбѣжнымъ рѣшительныя мѣры въ смыслѣ третьяго изъ предложенныхъ генераломъ Врангелемъ варіантовъ, тѣмъ не менѣе мнѣ понятны сомнѣнія, испытываемыя «переворотчиками». Я сослался при этомъ на настроеніе фронта, на сложную обстановку въ Екатеринодарѣ и на малую надежность переброшенныхъ туда частей. Особо я отмѣтилъ противорѣчіе приказовъ отъ 25-го октября первоначально принятому плану. Тутъ генералъ Деникинъ прервалъ меня замѣчаніемъ, что ему тоже понятно недовольство генерала Врангеля этимъ приказомъ, который устраняетъ всякую возможность отступленія. Не встрѣтило сочувствія Главнокомандующаго и предложеніе генерала Врангеля о созданіи особаго представительства Главнаго Командованія для объединенія Кубани, Терека и Ставріи. Генералъ Деникинъ замѣтилъ только, что, вѣроятно, генералъ баронъ Врангель уже видѣтъ себя въ роли Намѣстника Сѣвернаго Кавказа.

Подводя итогъ моему докладу и послѣдовавшей за нимъ бѣсѣдѣ, генералъ Деникинъ сказалъ, что, если генералъ баронъ Врангель желаетъ имѣть бумажку съ подписью его, Главнокомандующаго, то онъ охотно такую бумажку дастъ. Тутъ же онъ поручилъ генералу Романовскому соединиться прямымъ проводомъ съ Кисловодскомъ и передать генералу Врангелю составленную имъ телеграмму. Текстъ телеграммы точно отвѣчалъ третьему варіанту.

Я пробылъ въ кабинетѣ генерала Деникина, пока шли сношенія съ Кисловодскомъ, почти до утра. За это время генералъ Деникинъ ознакомилъ меня съ содержаніемъ рѣчи, съ которой онъ долженъ былъ выступить въ слѣдующій четвергъ на Большомъ Войсковомъ Кругѣ въ Новочеркассѣ; рѣчь, какъ всегда у генерала Деникина, отличалась большой убѣдительностью и задушевностью. Я доложилъ Главнокомандующему проектъ обширнаго политического циркуляра

по Вѣдомству Пропаганды, который собирался издать при вступлѣніи своеі въ должность. Генералъ Деникинъ сдѣлалъ нѣсколько очень ядовитыхъ замѣчаній къ этой моей попыткѣ систематически изложить главныя основы добровольческой политики. Наконецъ, уполномочивъ меня составить для генерала Покровского нужные ему документы, генералъ Деникинъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути въ Кисловодскъ.

*

Краткое мое пребываніе въ Кисловодскѣ оказалось въ сущности безпредметнымъ. Генералъ Врангель былъ очень занятъ, — его съ утра и до вечера осаждали всевозможные дѣятели и представители организацій до скаутовъ включительно. При свиданіи онъ сказалъ, что надежда на мирное разрѣшеніе кризиса появилась у него въ связи съ прїѣздомъ къ нему генерала Науменко, который на извѣстныхъ условіяхъ соглашался выставить свою кандидатуру въ атаманы. Но телеграмма, полученная имъ отъ Главнокомандующаго, положила конецъ колебаніямъ. Онъ послалъ уже инструкціи въ Екатеринодаръ генералу Покровскому, который долженъ былъ со дня на день выступить. По полученіи отъ него донесенія объ исполненіи приказа Главнокомандующаго генералъ Врангель собирался прїѣхать въ Екатеринодаръ выступить въ Радѣ и вести переговоры съ лидерами «линейской» группы о конституціонной реформѣ на основѣ моихъ проектовъ.

Такимъ образомъ, миссія моя была закончена и въ субботу, 2-го ноября я возвратился въ Ростовъ.

* *

Въ дальнѣйшемъ события на Кубани развивались вѣяния поля моего непосредственного зреянія. Я слѣдилъ за ними по сообщеніямъ нашей екатеринодарской информаціи. Къ тому же они болѣе или менѣе общеизвѣстны.

Между полученіемъ генераломъ Покровскимъ инструкцій отъ генерала Врангеля и началомъ активныхъ дѣйствій прошло нѣсколько дней. Наши правительственные круги ставили даже въ упрекъ генералу Покровскому такое промедленіе. Но, повидимому, оно вызывалось особенностями обстановки, сложившейся въ Екатеринодарѣ и требовавшей большой осторожности и тщательной подготовки. Не переставая протестовать противъ нарушенія Кубанскаго суверенитета, екатеринодарскія власти спѣшили въ то же время уничтожить самый поводъ къ конфликту. Краевое правительство постановило считать парижскій договоръ дружбы аннулированнымъ, а подписавшихъ его делегатовъ превысившими свои права и лишило делегацію Быча полномочій. Членъ делегаціи Калабуховъ въ своихъ объясненіяхъ передъ Радой пытался придать невинный характеръ поступку делегатовъ, доказывая, что то, что они подписали, было собственно не договоромъ, а только проектомъ договора.

Если память мнѣ не измѣняетъ, генералъ Покровскій предъявилъ Радѣ ультимативное требованіе о выдачѣ ему для ареста 11 членовъ

Рады. Вечеромъ 5-го ноября ультиматумъ былъ переданъ черезъ Войскового Атамана и срокъ его истекалъ 6-го ноября въ 12 часовъ дня. На другой день съ утра генераль Покровскій вель въ атаманскомъ дворцѣ съ лидерами «линейской» группы переговоры, относительно содержанія которыхъ существуетъ нѣсколько противорѣчивыхъ версій. Во всякомъ случаѣ переговоры эти, вѣроятно, не дали результатовъ, такъ какъ около 12 часовъ генераль Покровскій сѣлъ на коня и подѣхалъ къ городскому театру, въ которомъ засѣдала Рада, предварительно занявъ войсками прилегающія къ ней улицы и входы. На новое требование генерала Покровскаго въ теченіе 5 минутъ 11 членамъ Рады сдаться, послѣдовала капитуляція. Намѣченные члены Рады были одинъ за другимъ арестованы офицерами генерала Покровскаго и доставлены сначала въ атаманскій дворецъ, а оттуда въ домъ Фотіади, гдѣ раньше жилъ генераль Деникинъ, а теперь квартировалъ Командующій войсками. Въ ночь на 7-ое ноября членъ Рады Калабуховъ былъ казненъ по приговору военно-полевого суда «за измѣну Россіи и кубанскому казачеству», какъ значилось на дощечкѣ, прикрѣпленной на груди у казненнаго. Такая же участъ могла угрожать и остальнымъ арестованнымъ членамъ Рады. Но генераль Деникинъ по ходатайству специальнай делегаціи Краевой Рады замѣнилъ преданіе военно-полевому суду высылкой за границу.

Наконецъ, 7-го ноября въ Екатеринодарѣ прибылъ генераль Врангель, который и приступилъ къ осуществленію намѣченного 9-го октября плана только при условіяхъ неизмѣримо болѣе невыгодныхъ и тягостныхъ. Командующій Кавказской арміей произнесъ свою рѣчь въ Краевой Радѣ, а затѣмъ пригласилъ къ себѣ представителей отъ оппозиціи на совѣщеніе по поводу конституціонной реформы. Члены Рады забраковали нашъ проектъ и вмѣсто него предложили свой собственный, который и былъ проведенъ черезъ Раду въ спѣшномъ порядкѣ. Согласно ему Законодательная Рада, правда, упразднялась, однако всѣ ея функции переходили къ Краевой Радѣ, передъ которой становилось отвѣтственнымъ правительство. Для усиленія власти Войскового Атамана было сдѣлано немного... Атаманъ долженъ былъ впредь избираться не Краевой Радой, а специальнай коллегіей — Атаманской Радой; кромѣ того, онъ получалъ, какъ и въ мое проекѣ, право роспуска Краевой Рады. Такъ кубанскій парламентаризмъ еще разъ торжествовалъ побѣду, сохраняя за Войско-вымъ Атаманомъ роль политически безличнаго президента парламентарской республики.

Примѣрно 10-го ноября Кубань съ ея обновленной конституціей была предоставлена самой себѣ. Замѣститель предсѣдателя Рады И. Л. Макаренко, входившій въ число лицъ, предназначенныхъ къ аресту, скрылся. Вмѣсто него былъ избранъ Д. Е. Скобцовъ, и президіумъ Рады получилъ отъ самостійниковъ презрительную кличуку «президіумъ генерала Покровскаго». Генераль Филимоновъ окончательно ушелъ въ отставку. Какъ и слѣдовало ожидать, кандидатура генерала Покровскаго не нашла ни съ чьей стороны серьезной поддержки. Атаманомъ сталъ генераль Н. М. Успенскій, всегда благоже-

лательно относившійся къ Добровольчеству. Предсѣдателемъ краевого правительства былъ опять назначенъ Ф. С. Сушковъ; формирование кабинета очень затянулось, въ частности благодаря непремѣнному желанию самого атамана видѣть въ должности управляющаго вѣдомствомъ внутреннихъ дѣлъ одного популярного кубанского генерала, правильно или неправильно слышавшаго недоброжелателемъ Главнаго Командованія.

* * *

Въ печати и въ обществѣ ноябрьскія событія встрѣтили, естественно, различную оцѣнку: суровое осужденіе слѣва и единодушное одобрение поддерживавшихъ Главное Командованіе элементовъ. Въ общемъ можно сказать, что, какъ это всегда бываетъ со всякимъ сильнымъ и удачнымъ «жестомъ», даже только кажущимся сильнымъ и удачнымъ, одобрение безусловно преобладало. На дѣлѣ къ несчастью Главное Командованіе рѣшительно и безнадежно запоздало со своей попыткой разрубить кубанскій узелъ. Цѣлый годъ ядъ самостійничества безпрепятственно отравлялъ и разрушалъ здоровый по существу организмъ кубанского казачества. И то, что могло годъ или полгода назадъ послужить во спасеніе обще-руssкаго дѣла и самой Кубани, послужило лишь новымъ матеріаломъ для бѣшеной агитации самостійныхъ враговъ національного освободительного движения.

Post scriptum. Какъ явствуетъ изъ моего разсказа, Д. Е. Скобцовъ совершенно правильно приписываетъ конституціонный проектъ, переданный генераломъ Врангелемъ на разсмотрѣніе группы членовъ Рады, «проф. С—ву, творцу всяческой хитрой механики пои Главномъ Командованіи» (статья «Драма Кубани», «Голосъ Минувшаго на чужой сторонѣ» № 1, стр. 256). Но едва ли онъ правъ, когда упрекаетъ авторовъ проекта въ томъ, что ими предлагалось «вмѣсто неустойчиваго правительства создать неустойчиваго атамана» (Г. М. стр. 255). Вѣдь пойти дальше и въ цѣляхъ созданія «устойчивости» войскового атамана вовсе устранить его отвѣтственность передъ Краевой Радой, не значило ли бы это вводить на Кубани диктатуру, столь ненавистную кубанскимъ дѣятелямъ обоихъ лагерей? Зато при конституціонной реформѣ, проведенной самими кубанцами по соглашенію съ генераломъ Врангелемъ, неустойчивое правительство, очевидно, такъ и оставалось неустойчивымъ, разъ сохранялось въ силѣ начало его парламентарной зависимости отъ Рады, хотя бы и не Законодательной, а Краевой.

Признавая, что исправленіе кубанской конституціи являлось «наизвѣшней задачей», Д. Е. Скобцовъ возражаетъ противъ «посторонняго нажима», который могъ лишь принести большой вредъ, «ибо придавалъ естественному пересмотру конституціи характеръ вынужденности». (Г. М. стр. 255). Что «посторонній нажимъ» въ такого рода дѣлахъ является дѣйствиемъ рискованнымъ и обюдоострымъ,

это ясно само собой. Отлично сознавали это и дѣятели Главнаго Командованія, которые — вѣроятно, потому такъ и запоздали со своимъ «нажимомъ». И, если кубанскіе дѣятели ждали до ноября 1919 года съ осуществленіемъ своей «назрѣвшей задачи», то не слѣдуетъ ли отсюда, что доля отвѣтственности за «нажимъ», на который вовсе не съ легкимъ сердцемъ рѣшилось Главное Командованіе, ложится и на нихъ? Къ тому же, за годъ передъ тѣмъ введя въ Краевую Раду представителей Главнаго Командованія и допустивъ пересмотръ въ согласительной съ нимъ комиссіи принятыхъ уже Радой основъ Кубанской конституції, сами кубанцы засвидѣтельствовали, что политический строй Кубани не былъ для Главнаго Командованія совсѣмъ «постороннимъ» дѣломъ.

Наконецъ, характеризуя своихъ политическихъ противниковъ «черноморцевъ», Д. Е. Скобцовъ старается придать ихъ идеологии и тактикѣ возможно безобидный видъ. Онъ даже утверждаетъ, что этихъ идейныхъ, а частью и личныхъ «друзей» Петлюры, окрестила кубанскими самостійниками только «не разбирающаяся въ подробностяхъ политическая улица» (Г. М. стр. 114). А дальше онъ, упоминая о появлении въ тылу добровольцевъ двухъ повстанческихъ фронтовъ — петлюровского и горского и о томъ, что на обоихъ этихъ фронтахъ дѣйствовали кубанскія части, добавляетъ:

— «Для кубанского правящаго большинства создавалось неестественное положеніе: душить собственными руками дѣло, которому оно не могло не сочувствовать и которому оно готово было даже помогать». (Г. М. стр. 226).

Трудно было бы лучше и убѣдительнѣе объяснить, почему Главное Командованіе видѣло въ кубанскихъ самостійникахъ - черноморцахъ враговъ и предателей дѣла освобожденія и возсозданія Великой Россіи.

К. С.
